

Тан Шаотан поднял голову, глядя на вывеску «Лечим все болезни», что висела высоко над входом, затем опустил взгляд на временную табличку из подгнившего дерева. В душе у него всё перевернулось.

На доске корявым почерком с кучей ошибок было нацарапано то же самое — мол, лечат любые хвори, какие только есть на свете, будь то у людей или скотины. Стоишь, мол, не думай — заходи, и всё как рукой снимет.

Тан Шаотан: «...»

А Цзю уже был внутри аптеки. Заметив, что Тан Шаотан не идёт за ним, он высунулся из двери, нетерпеливо маша рукой:

— Давай заходи уже!

Тан Шаотан скривился — и откровенно дал это понять всем своим видом.

А Цзю: «... Ты что, какой-нибудь принц крови?..»

Глава павильона Жуань Лин не был тем, кто станет нянчиться. Раз уговоры не действуют — можно и силой.

В первый раз, когда он потянулся, чтобы ухватить Тан Шаотана за руку, тот инстинктивно отшатнулся и тут же потянулся к мечу — но схватился за пустоту. На мгновение он замер, будто только сейчас осознав, где находится, и медленно опустил руку, уже собравшуюся было для смертельного удара.

А Цзю заметил эту заминку и смену намерений. Прищурившись, он снова протянул руку — на этот раз уже без всяких притворств.

На сей раз Тан Шаотан не стал уворачиваться. С неохотой, с явной неохотой позволил себя утянуть внутрь аптеки.

Внутри пахло старой травой, пылью и чем-то ещё, давно застоявшимся.

А Цзю не отпустил его сразу, а подтащил к стене, усадил на длинную скамью и твёрдо приказал:

— Сиди здесь. Жди.

Возможно, тон и манера говорить напомнили Тан Шаотану кого-то из старших, кого он уважал. Он послушно кивнул и выпрямился, сидя с идеальной осанкой. А Цзю какое-то время пристально смотрел на него, затем, удовлетворённый, развернулся и пошёл торговаться с приказчиком у стойки.

Вообще-то, в Павильоне Радужных Одежд единственным близким старшим для Тан Шаотана была тётушка Чань. Но тётушка Чань говорила всегда мягко, даже упреки её были подобны тихому дождю. А вот тот, кто никогда не церемонился в выражениях, — так это сам Глава Павильона, тот, что всегда скрывал лицо.

Внезапно Тан Шаотан осознал: манера А Цзю чем-то напоминала его повелителя... но в то же время чем-то и отличалась.

Он опустил голову, пытаясь припомнить интонации Главы Павильона, как вдруг на него

медленно наползла тень, принеся с собой свежий запах трав.

Поднимать голову было не нужно — он и так знал, кто это.

— Опять в облаках витаешь? — поинтересовался А Цзю.

Тан Шаотан поднял глаза и встретил его изучающий взгляд. Видимо, траты на снадобья превысили ожидания — на лице А Цзю ещё висела тень досады.

— Почему ты всегда выглядишь недовольным? — спросил Тан Шаотан.

Люди в Павильоне Радужных Одежд тоже не всегда были радостны. Но все они обычно улыбались и смеялись, поддерживая видимость гармонии, так что никто не мог разглядеть истинные чувства другого. Тётушка Чань учила их — и его в том числе — что показывать эмоции на лице позволительно лишь детям. Повзрослев, так делать нельзя. В Павильоне за это сурово накажут, а на внешнем мире такая привычка и вовсе может стоять жизни.

Радоваться — не смейся. Печалиться — не смей плакать.

Ты должен проявлять подобающие чувства, говорить подобающие слова, носить подобающее выражение лица — только в подходящее время, в подходящем месте и перед подходящими людьми.

Всё остальное — лишнее, недопустимое.

Раньше Тан Шаотан никак не мог этому научиться. Лишь после бесчисленных выговоров от тётушки Чань он кое-как освоил искусство не проявлять эмоций. По крайней мере, в большинстве ситуаций, с большинством людей и событий он мог сохранять внешнее бесстрашие.

Так что он не то чтобы не понимал, почему А Цзю недоволен. Он не понимал, почему А Цзю так бесцеремонно выставляет это недовольство напоказ.

Тан Шаотан мягко посоветовал:

— Так можно попасть в беду.

В душе А Цзю закипело: «Да как ты смеешь меня поучать?! Я недоволен, потому что трачу деньги на твоё содержание!»

А Цзю прекратил это обслуживание. Он попросил у хозяина аптеки свободный угол и тут же, с грозным видом, приказал Тан Шаотану самому перевязать раненую ногу. Тан Шаотан покорно принялся за дело, а А Цзю тем временем вернулся к стойке и принялся расспрашивать приказчика о местных деликатесах.

Когда Тан Шаотан проворно управился с перевязкой и вышел, первое, что он увидел, — это А Цзю, который у стойки оживлённо беседовал с тем самым приказчиком. Он был полон энергии, будто пришёл из другого мира.

Тан Шаотан замешкался, бросив взгляд на дверь.

Сбежать бы...

А Цзю, будто у него на спине были глаза, тут же обернулся и крикнул:

— Чего копаешься? Пошли есть!

Раз уж Жуань Линцзю на него положил глаз — куда он денется?

...

Трактир «Таоцзя» был самым известным заведением в городке Фэньюань. Повар Лао Чэнь славился и мастерством, и честностью — продукты использовал только свежие, порции давал щедрые, что полностью оправдывало иероглиф «тао» в слове «таотэ» на вывеске. Слава о нём шла по всей округе. Лао Чэнь ещё и отличное вино варил — никогда не разбавлял, аромат на десять ли разносился.

При виде гостей половой швырнул тряпку для протирки столов на плечо и радушно пошёл навстречу.

— Прошу, господа, садитесь на лучшие места!

Весело улыбаясь, он повёл А Цзю и Тан Шаотана к столику у окна, где и воздух свежее. Но Тан Шаотан, вопреки обыкновению, проявил своеволие: обошёл просторное и светлое место и выбрал столик в углу, у стены.

А Цзю: «...»

Выбор места выдавал в нём старого волка: сидеть в центре — слишком заметно, у окна или двери — сложно защититься от скрытых атак, а угол и безопасен, и идеально подходит для убийцы, который не хочет привлекать внимания.

— Садись сюда, — сказал Тан Шаотан.

Всё-таки они у подножья горы Ушоу — если появятся преследователи, не стоит удивляться. Годы тренировок заставили Тан Шаотана инстинктивно выбрать для А Цзю самое безопасное место.

Безопасное — да. Но никакого вида, никакой романтики.

А Цзю огляделся. Тан Шаотан сел напротив него: сам А Цзю — спиной к стене, Тан Шаотан — лицом к залу, так что его тело полностью закрывало А Цзю. Если кто-то пройдёт мимо, то сначала заметит Тан Шаотана. Чтобы добраться до А Цзю, пришлось бы сначала пройти через Тан Шаотана.

Это было безопасно для А Цзю. И совсем не безопасно для самого Тан Шаотана.

А Цзю молча сел, не выразив ни малейшего недовольства.

У полового тоже не было возражений. Народу сейчас мало, места пустуют — пусть гости сидят, где хотят. Лишь бы заказывали.

— Наше вино из османтуса славится ароматом и вкусом. Не желаете ли отведать, господа?

— Вино из османтуса? — переспросил А Цзю.

Глава павильона Жуань поразмыслил мгновение: «Что говорить пьяный, то на уме у трезвого. Стоит попробовать?»

— Ладно, принеси две бутылки.

— Бутылки? — переспросил половой.

— Кхм... два кувшина.

— Слушаюсь, господин! Сейчас принесу.

Половой скрылся на кухне и вскоре вернулся, неся два глиняных кувшина. А Цзю открыл один, втянул носом воздух и одобрительно хмыкнул: «Ароматное». Приняв от полового чаши, он налил себе, затем — Тан Шаотану напротив.

Тан Шаотан уставился на вино перед собой, не двигаясь с места, пока А Цзю не спросил:

— Есть что-то, чего не ешь?

Тан Шаотан покачал головой. А Цзю тут же принялся утверждать заказ с половым.

Всё это время Тан Шаотан не вставлял ни слова и не высказывал никаких мнений. Лишь когда А Цзю добрался до десятого блюда, он не выдержал и приподнял веки, бросив на того взгляд.

Даже половой не смог сдержаться:

— Господа, вы... может, ещё кого-то ждёте?

— А? — А Цзю нахмурился. — Нет, только мы двое.

— Господин, дело в том, что порции у нас большие... Вдвоём вы столько не осилите. Может, я вам помогу выбрать несколько блюд?

А Цзю возмутился: это что, нас за слабаков держат? Кто сказал, что не осилим? Осилим!

Он даже подбородком ткнул в сторону Тан Шаотана, давая понять, что и тот должен подтвердить его слова.

Тан Шаотан оказался в затруднительном положении: «...»

В Павильоне Радужных Одежд существовали строгие ограничения в еде. Во время заданий он обычно действовал из тени, и если мог питаться сухим пайком — никогда не ел на стороне.

Такой способ заказывать и есть, как у А Цзю, он не только никогда не видел — он даже представить себе такого не мог.

Однако Тан Шаотан всегда умел искать причину в себе и винить себя. Поэтому он решил, что, возможно, А Цзю прав, а он просто слишком мало видел, и в этом нет ничего странного.

И потому под сомневающимся взглядом полового он кивнул. И ещё раз кивнул.

Половой: «...Хорошо-хорошо, сейчас распоряжусь, чтобы на кухне приготовили для вас, господа!~~~»

Время ожидания еды тянулось долго и скучно. Двое, у которых не было общих тем, могли лишь уставиться каждый в свою чашу с вином.

Уставиться — но не пить.

А Цзю нанёс упреждающий удар:

— Что, не любишь вино?

Тан Шаотан подумал:

— Нет.

Не то чтобы любил или не любил. Просто пил, только когда это было необходимо.

<http://bllate.org/book/16258/1462462>